

ПСИХОАНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ

Зависимые отношения: перверсия, меланхолия и работа горя в зависимых отношениях

А. Д. Овчинникова

Овчинникова Алена Дмитриевна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

В данной статье автор рассматривает феномен зависимых отношений с точки зрения перверсии: исследование развития психоаналитической мысли позволяет выделить ключевые функции перверсии, среди которых борьба с кастрационной тревогой, ранними фрустрациями и травмами. Применительно к отношениям перверсия рассматривается как подмена, «неосексуальный сценарий» в терминологии Макдугалл, позволяющий субъекту справляться с травмами и фрустрациями. В качестве фундамента отношений исследуется мазохизм, проявляющий себя и в своем моральном аспекте с отсылкой к проблематике эдипального полюса, но также и в качестве способа связать влечения. Роль отношений с первичным объектом в выборе партнера и построении отношений рассматриваемого типа исследуется с опорой на концепцию нарциссической перверсии П.-К. Ракамье. Вопрос о возможных функциях отношений, среди которых нарциссическая целостность, борьба с кастрационной тревогой, а также реализация влечения к интеграции раннего опыта, анализируется в связи с возможностью завершения отношений и последующей работы горя.

Ключевые слова: зависимые отношения, перверсия, мазохизм, моральный мазохизм, нарциссизм, работа горя, меланхолия, симбиотическая связь, мазохизм жизни, мазохизм смерти.

Несмотря на рост гласности, доступности психологической помощи и увеличение общего интереса к внутренним процессам и индивиду как таковому, проблема межличностных отношений и отношений в паре не теряет своей актуальности. По-прежнему складываются пары, в которых один из партнеров мирится с дискомфортом, неудовольствием, а зачастую и насилием, но испытывает серьезные затруднения с завершением отношений. Большой исследовательский интерес вызывают причины формирования и поддержания таких отношений, а опыт неудовольствия, переживаемый в отношениях, ставит вопрос о первертной составляющей последних.

Определяя в работе 1905 года (Фрейд, 2022) перверсию как отклонение от сексуальной нормы в виде выхода за анатомические границы тела, выбора сексуального объекта, а также остановки на промежуточных отношениях, в более поздних работах З. Фрейд расширит понимание перверсии, и на примере фетишизма феномен будет рассмотрен как способ совладания с кастрационной тревогой (Freud, 1928). В дальнейшем развитии психоаналитической мысли явление будет рассматриваться и как способ отрицания первосцены (McDougall, 1972), и как возможность выживания в контакте с перевозбужденным первичным объектом при «крахе отцовской вселенной» (Шассге-Смиржель, 2004), и как устойчивый сценарий, позволяющий справляться с архаичными фрустрациями и стимуляциями. В данном ключе перверсию можно сравнить с принципом навязчивого повторения, в том смысле, что разыгрывание одного и того же сценария позволяет субъекту заменить предыдущую пассивную роль на активную в случае с болезненной травматической ситуацией и тем самым овладеть данной ситуацией. Переживание в активной форме фрустрирующего опыта сравнимо с некой победой, триумфом над этим опытом. К такой трактовке близка по смыслу концепция Столлера, который определяет перверсию как эротическую форму ненависти, способствующую преобразованию детской травмы в триумф взрослого (Столлер, 2016).

Рассматривая перверсию в более широком смысле, можно применить к ней понятие подмены: там, где ребенок сталкивается с отсутствием пениса у матери, он сталкивается и с присутствием пениса у отца, и одним из возможных сценариев является отрицание кастрирующей функции отцовского пениса и галлюцинирование последнего у матери, в противном случае есть риск пережить судьбу матери. Во взрослом возрасте на этом месте может возникнуть фетиш. Мы можем тогда подумать о том, что перверсия здесь не просто разрешает вопрос кастрационной тревоги, она в каком-то смысле стоит на защите целостности субъекта. Рассматривая различные подходы к определению сути явления, среди прочего ученые установили, что ключевыми характеристиками перверсии помимо отрицания кастрации являются отрицание реальности с различием полов, поколений и другими фундаментальными принципами, а также расщепление. И в этом смысле первертный сценарий также отсылает нас к понятию подмены, подмены реальности.

От сексуальной перверсии к перверсии отношений

Перверсия помогает субъекту сконструировать собственную реальность, в которой возможно справиться со всеми ужасами и фрустрациями. Но каким образом концепцию подмены можно применить к области объектных отношений? Что и чем подменяется в таких отношениях?

Поль-Клод Ракамье в своей работе (*Racamier, 2014*) предлагает выделять две категории нарциссических первертов с общей первопричиной перверсии – страхом кастрации. Первая категория, обозначенная как «фаллоидная», отличается активной позицией по отношению к кастрации – субъект кастрирует объект. Кастрация происходит за счет манипуляций, обмана, достижения собственных целей посредством других, другой – лишь инструмент. Личность с ее интересами, чувствами, потребностями не представляет интереса в таких отношениях. Она инвестируется нарциссически с целью поддержания нарциссизма самого субъекта, но вместе с тем ее границы, права и, в сущности говоря, само ее существование отрицаются. И здесь мы можем увидеть то самое отрицание реальности, которое так свойственно перверсии. Говоря о перверсии в таких отношениях, мы говорим о самой форме функционирования.

Некоторую схожесть в построении объектных отношений мы можем обнаружить и в моральном нарциссизме (Грин, 2009) с его использованием объекта для поддержания объектного минимума Я и вместе с тем морального удовлетворения от этого объектного минимума – от отказа: «Но, как говорит З. Фрейд, "саморазрушение не может совершаться без либидинозного удовлетворения". Какое же удовлетворение находит моральный нарциссист в своем обеднении? Чувство, что он становится лучше с помощью отказа, – основа человеческой гордыни. Это не может не напомнить отношения между этой клинической нарциссической формой и первоначальным нарциссизмом детства в его связи с аутоэротизмом. Если З. Фрейд смог сказать, что мазохизм ресексуализирует мораль, мы хотим в продолжение добавить: нарциссизм превращает мораль в аутоэротическое наслаждение, в котором могущественность саморазрушится» (Грин, 2009, с. 268). В клинике зависимых отношений мы сталкиваемся с проявлением морального нарциссизма в фантазиях о спасении или же служении, позволяющих воспринимать отношения как высшую цель, как смысл жизни.

В приведенных выше примерах мы видим особое отношение к объекту, характеризующееся, с одной стороны, нарциссическим типом инвестирования, а с другой – ограничивающее роль объекта до функционального минимума. Такая характеристика отсылает к вопросу качества отношений с первичным объектом и роли последних в формировании такой нарциссической реальности в актуальном. Винникотт подчеркивал важность материнского ответа, который, как зеркало, отражает внутреннее состояние, аффекты ребенка, позволяя таким образом идентифицировать себя и конструировать свою цельность (Винникотт, 2002). Рене Руссийон, продолжая размышления Фрейда и Винникотта, обратит особое внимание на функцию объекта в построении Я субъекта, настаивая на его ответе на

либидинальные движения субъекта. Опыт зависимых отношений наводит на размышления о травмах и психических лакунах, о соблазнении, чрезмерной фрустрации, столкновении с ситуацией «страдания и выживания в парадоксах» (Ракамье, 2005) и иных девиациях поведения первичного объекта, которые во взрослом возрасте могут трансформироваться в причину тревоги аннигиляции. Отсутствие должного ответа на деструктивные импульсы раннего периода может рассматриваться как один из факторов развития патологической структуры, в которой главную роль возьмет на себя деструктивный нарциссизм. Целью нормального развития является связывание деструктивных элементов, производных от инстинкта жизни, во избежание переполнения объекта последними, при деструктивном нарциссизме мы можем столкнуться с направлением деструкции на себя: «Эти, как правило, всемогущественные, формы организации оказывают иногда открытым, но чаще скрытым образом мощное деструктивное воздействие; они направлены против жизни и разрушают связи между объектами и самостью, атакуя или убивая части самости, но они также деструктивны по отношению к любым хорошим объектам и пытаются обесценить и устранить их как объекты значимые» (Розенфельд, 2008). Проявление патологии нарциссизма может проявляться и в самом выборе объекта – идеализированного и недоступного, за чем можно увидеть спроецированное грандиозное Я. Таким образом такие отношения и ответ, похожий или идентичный ответу первичного окружения, влияют на нарциссическую целостность исследуемого. Аспект зависимости в отношениях такого рода может быть рассмотрен как стремление субъекта к слиянию со своим партнером, что наводит на мысль о фиксации на прегенитальной стадии и недифференцированным родительским имаго. Но вместе с тем возникает вопрос: на стороне жизни или на стороне смерти такие отношения? И для того, чтобы исследовать этот вопрос, необходимо обратиться к понятию мазохизма.

Роль мазохизма в зависимых отношениях

В развитии своей психоаналитической мысли Фрейд много места уделял исследованию мазохизма. Характеризуемый первоначально наравне с садизмом как перверсия, в работе 1919 года предмет его исследования был определен уже эдиповым комплексом: анализ детских фантазий об избии привел автора к выводу об универсальности мазохистской фантазии с отличием в том, что в случае с девочками она отсылает к позитивной эдипальной установке, а в случае с мальчиками, где происходит смена активной позиции на пассивную по отношению к избиваемому лицу, – к негативной установке. Стремление быть избитым рассматривается как наказание за свои инцестуозные желания. В этой статье по-прежнему постулируется первичность садизма над мазохизмом, но при этом вводится условие превращения одного в другое – чувство вины (Фрейд, 2006а).

Вторая теория влечения вносит серьезные изменения в понимание мазохизма: определяя влечение как психосоматическую единицу (Фрейд, 1998), Фрейд тем самым задает вектор размышлений, согласно которым первым источником либидо является либидинальное совозбуждение, то есть то, что продуцирует сам организм вследствие естественных процессов, и для того, чтобы справляться с натиском возбуждения и не допустить нулевого уровня, а значит, смерти, необходимо первичное связывание. Так, Я изначально по своей природе мазохистическое, а то, что позволяет выдерживать неудовольствие, фрустрации и, по сути, связывать влечение к жизни и влечение к смерти, в терминологии второй теории влечения является не чем иным, как первичным эрогенным мазохизмом. Таким образом, Фрейд уравнивает первичное связывание двух влечений и первичный эрогенный мазохизм и выводит понятие мазохизма за рамки исключительно перверсии. Разрабатывая классификацию форм мазохизма в работе 1924 года «Экономическая проблема мазохизма», он будет подчеркивать образующую функцию эрогенного мазохизма в женском и моральном. Сутью морального мазохизма являются страдания, не находящие своей целью сексуальное удовлетворение. Эти страдания носят бессознательный характер и лучше всего проявляются в терапии в виде негативной терапевтической реакции. Фрейд связывает моральный мазохизм с эдиповым комплексом, при ресексуализации которого возникает бессознательное чувство вины. По сути, это потребность в наказании «от рук родительской силы». Помимо прочего моральный мазохизм является свидетельством существования двух видов влечений: с одной стороны, сила влечений извне, с другой стороны – совесть и мораль, возникшие благодаря эдипову комплексу и его ресексуализации, которая вынуждает Я сдерживать напор влечений, направляя агрессию на себя: «Таким образом, моральный мазохизм становится классическим свидетельством в пользу существования смешения влечений. Его опасность заключается в том, что он происходит от влечения смерти, соответствует той его части, которая избежала обращения вовне в качестве некоего разрушительного влечения. Но поскольку он, с другой стороны, имеет значение и какой-то эротический компонент, то даже саморазрушение личности не может происходить без либидинозного удовлетворения» (Фрейд, 2006b).

Линию размышлений Фрейда продолжает Б. Розенберг (Розенберг, 2018). Сопоставление морального мазохизма с чувством вины приводит его к выводу о том, что чувство вины связано со Сверх-Я, в то время как моральный мазохизм связан с Я, которое само пытается получить наказание от Сверх-Я, и в этой точке рождается удовольствие, которое позволяет перенести вину вследствие ее эротизации, т. е. мазохистического инвестирования. В этом и состоит, по мнению автора, некая хитрость морального мазохизма, который сохраняет видимость чувства вины вместе с реальным мазохистическим удовольствием, соединяя в этом смысле невротическую и перверзную стороны.

Исследование мазохизма получило свое развитие не только с точки зрения влеченческой теории и конфликта инстанций. Ряд психоаналитиков предпринял попытку включить мазохизм в контекст характера.

Особое внимание заслуживает работа представителя американского психоанализа Арнольда Купера, в которой рассматривается нарциссически-мазохистический характер (Cooper, 2013). В работе подчеркивается тесная взаимосвязь нарциссизма и мазохизма, черты которого являются, по мнению Купера, реакцией на нарциссические раны раннего периода и позволяют сгладить нарциссическую патологию во взрослом возрасте. Автор выделяет несколько ключевых свойств такого характера, как-то: объектно-ориентированные аспекты мазохизма, выражающиеся в занятии позиции жертвы с целью получения ощущения контроля со стороны другого; аффективный компонент мазохизма, выражающийся в стремлении к принятию мучительных обстоятельств и избегании приятных переживаний; нарциссический компонент мазохизма, выражающийся в исключительности своих страданий. Сюда же относится и чрезмерно жесткая роль Сверх-Я, при содействии которой субъект может впасть в депрессию даже при незначительной неудаче. По мнению автора, суть мазохизма состоит в желании быть нарциссически уязвленным и униженным.

Линию размышлений Купера относительно мазохистических черт характера продолжает и Мейерс (Meyers, 2013), но в своей работе она также рассматривает мазохизм как некую разновидность объектных отношений, в которых субъекту удастся получить любовь от интроецированного агрессивного объекта путем страдания. В данном случае речь идет о том, что мазохизм – буквально фундамент этих объектных отношений и, если его не будет, – объект уйдет.

Объектные отношения как предмет исследования в контексте мазохизма стали основным вектором размышления Бернхарда Берлинера (Berliner, 1958). Автор обращается к более ранней идее Фрейда, согласно которой мазохизм – это пассивный садизм с уточнением, что поворот садизма на себя в чистом виде не является мазохизмом. В своей работе автор в центр помещает объект, тем самым подчеркивая его первичность над целью: объект, причинявший боль и страдания, впоследствии требует любви, выражающейся патологическим способом. По мнению Берлинера, ни эдипов комплекс, ни страх кастрации не дают в полной мере объяснения для чувства вины и потребности в наказании, сопровождающих мазохизм, ведь в данном случае и то, и другое вторичны по отношению к зависимости от объекта и вместе с тем защищают от конфликта, выстроенного вокруг инфантильной потребности в любви, и опытом страдания от объекта любви. В этой сложной констелляции либидо субъекта сочетается с садизмом любовного объекта. Ребенок в силу своего опыта воспринимает страдания, жестокость как любовь, интроецируя в себя. Будучи либидинизированной, эта жестокость является защитой от страдания, и тогда очевидной становится защитная функция мазохизма.

Для объектных отношений мазохизм является неудачной попыткой изменить внутреннее устройство отношений, изначально выстроенных с предлогом «против» вместо предлога «с». Навлекая на себя неприятности, занимаясь самобичеванием и саморазрушением, мазохист хочет получить любовь объекта и вместе с тем наказать его, ведь точно так же это переживалось в детстве, в силу вступает механизм идентификации с

агрессором, предложенный Ференци (Ференци, 2008). Указанный механизм позволяет субъекту почувствовать свое право на выражение агрессивных тенденций по отношению к любимому объекту, ведь это повторяет поведение этого объекта и, соответственно, не может не найти одобрения. Возникает вопрос о личности самого субъекта, которая по сути заменяется. Такая идентификация с карающим объектом любви, по мнению Берлинера, и есть то, что Фрейд называл поворотом против себя – это не собственный садизм Я, а садизм любимого объекта.

Обращаясь к вопросу зависимых отношений, мазохизм можно рассмотреть как некий фундамент таких отношений, что объясняет во многом феномен зависимости. Можно предположить, что зависимые отношения могут являться для субъекта разновидностью игры с катушкой, в которой субъект постоянно возвращается к ситуации первичной фрустрации или травмы и отношения являются способом интегрировать такой опыт.

Часто в таком типе отношений встречается партнер с зависимостью, и в таком случае данный вид отношений стоит рассматривать как воспроизведение ситуации триангуляции, в которой моральный мазохизм партнера выступает связующим звеном отношений.

В ином варианте можно рассматривать зависимые отношения как «аутосадизм», к которому прибегает субъект с целью наказания себя. Придерживаясь линии размышления Розенберга в данном вопросе (Розенберг, 2018), можно предположить, что речь идет о догенитальном чувстве вины, связанном с ранним опытом проявления деструктивных влечений.

М. Хан писал о том, что во всех мазохистских фантазиях или практике всегда есть ядро психической боли, которая была прожита и потеряна (*Khan*, 1981), и в этом смысле можно полагать, что зависимые отношения являются довольно странной констелляцией, в которой есть место боли и удовольствию от этой боли, на страже которого и стоит мазохизм. Возвращаясь к обозначенной концепции подмены, мазохизм выступает в роли некого агента этой подмены, который позволяет оставаться на стороне удовольствия тому, что соткано из неудовольствия.

Психоаналитическая концепция работы горя и меланхолии

В 1917 году выходит статья, содержащая взгляды З. Фрейда на основополагающий психический процесс – горевание (Фрейд, 1917). Фрейд исследует данный процесс в концепции «работы», рассматривая происходящее на разных уровнях: динамическом, топическом, экономическом. Находясь еще во власти первой топики, автор тем не менее уже приближается к инстанциям, положившим основу для второй. В работе рассматривается принципиально противоположная реакция на потерю объекта: в одном случае речь идет о нормальном течении, в другом – о патологическом. Имея доступ к сознанию, работа горя опирается на реальность, в которой объект утерян, и главной целью работы является вернуть все инвестированное ранее либидо обратно. Наградой за такой трудоемкий и крайне болезненный процесс для Я является освобожденное либидо,

которое вновь можно инвестировать. Ровно противоположный процесс встречается при меланхолии: вместо сложного и болезненного процесса отделения и реинвестирования – проблема неотделимости. В своей работе Фрейд не ставил вопрос именно об отделимости, но он (вопрос) протекает сам из типа инвестирования объекта при меланхолии. Если в случае с горем либидо в процессе изымается, то в случае с меланхолией такое изъятие относится к вопросу выживания, ведь дезинвестиция объекта, инвестированного нарциссически, равносильна дезинвестиции себя. Решение находится в идентификации с утерянным объектом: с одной стороны, либидо возвращается субъекту, с другой стороны, идентификация приводит к конфликту инстанций. На сцене этот конфликт выражается в виде самоупреков, повышенной критики, «обеднения Я», а за кулисами речь идет о нападении критической инстанции, которая во второй топике станет Сверх-Я, на Я, идентифицированное с объектом. Именно поэтому при меланхолии возникает такой странный феномен: субъект получает дополнительное нарциссическое либидо, вместе с тем возможен суицид – как попытка уничтожить тот самый ненавистный объект.

Рене Руссийон обращается к качеству объекта в вопросе различий горя и меланхолии: по мнению аналитика, при горе мы имеем дело с утраченным объектом, при меланхолии – с разочаровывающим, и он как тень падает на Я (Руссийон, 2023). Фрейд подчеркнет в упомянутой работе 1917 года, что Сверх-Я при меланхолии направит буквально весь садизм на борьбу с Я, по сути выставляя против него чистую культуру инстинкта смерти и таким образом приводя в меланхолическое ядро.

Идеи Фрейда относительно горя и меланхолии нашли свое развитие в работе Розенберга (Розенберг, 2018). Автор настаивает на концепции «работы меланхолии», определяя специфичность данного процесса посредством введения свойства отделимости, связанного с проработкой способа инвестирования объекта и движением по направлению к объектализации либидо. Розенберг полагает, что меланхолия обладает функцией связывания влечений: интроекция позволяет субъекту переживать садизм и направлять его на интроецированный объект, реализовывая таким образом и самообвинение, и атаку на объект. Впоследствии устоявшаяся интроекция развивается в идентификацию с садлируемым объектом, а присоединившееся чувство вины позволяет пережить судьбу влечений и превратить аутосадизм в мазохизм. Отмеченный переход важен для экономической стороны процесса меланхолии: конфликт амбивалентности, возникающий при меланхолии, по своей сути является конфликтом двух влечений, при котором Сверх-Я выступает на стороне влечения смерти. Упомянутый переход позволяет связать влечения не в последнюю очередь благодаря либидо, получаемому Я от объекта. Таким образом связь садизма и мазохизма находит свое место и в меланхолии.

Работа горя и меланхолии в зависимых отношениях

Ранее были рассмотрены различные аспекты зависимых отношений, в том числе качество отношений с первичным объектом, нарциссический

аспект, роль третьего и иные. Исследование феномена зависимых отношений в его различных проявлениях ставит вопрос о меланхолии в случае завершения таких отношений. Данное предположение имеет под собой несколько аспектов:

– нахождение в таких отношениях создает зачастую для субъекта «качели» неопределенности: любовь сменяется ненавистью, мир – войной, улыбки – слезами. Безусловно, субъект может подмечать особенности таких отношений, но отдает ли он себе отчет в том, почему ему так важно на этих «качелях» кататься? Проживание такого опыта воспринимается как естественный процесс чередования влечений, который связывается мазохистическим ядром. Говоря о субъекте, который страдает в таких отношениях, кажется справедливым предположить нарциссический тип инвестирования объекта и соответствующие сложности с отделяемостью такого объекта. Континуум таких отношений можно определить как поддерживающую силу субъекта;

– вопрос слияния с объектом в отношениях наталкивает на размышления об уровне функционирования субъекта, актуализируя вопрос сепарации. В случае с зависимыми отношениями можно предположить, что субъект функционирует на догенитальном уровне, с преобладанием первичных защит. Потеря объекта может спровоцировать еще больший регресс к орально-каннибалистической стадии, с «поглощением» субъекта, ведущий к трудностям с отделением;

– если рассматривать зависимые отношения как связывающую функцию для деструктивности субъекта, то можно предположить, что разрыв отношений приведет к еще большему развязыванию влечений, возврату деструктивных аспектов в Я, отщеплению части таких аспектов в и без того строгое Сверх-Я, и в этом смысле речь может идти уже о мазохизме смерти (Розенберг, 2018), бушующем Я в стремлении уничтожить объект и отказаться от объектного удовлетворения вообще. Деструкция в этом случае может привести к провалу меланхолии в виде суицида.

Вместе с тем нельзя не отметить и возможность для иного сценария. Говоря о моральном мазохизме, мы сталкиваемся с иной топической конфигурацией: Я само занимает активную позицию в вопросе наказания и страдания, пытаясь получить их от Сверх-Я за свои инцестуозные желания. Вместе с тем для морального мазохизма свойственно эротизированное чувство вины. Рассматривая постулат Фрейда о первичности эрогенного мазохизма, можно предположить, что ресексуализацию эдипового комплекса, скрывающуюся за зависимыми отношениями, субъект может разрешить путем горевания.

Таким образом, в вопросе разрешения зависимых отношений представляется возможным развитие и путем работы горя, и путем меланхолии. Определяющими факторами в данном случае выступает суть зависимых отношений, роль мазохизма в них, что в свою очередь характеризует уровень функционирования субъекта, степень интеграции Супер-Эго, фиксации, конфликты и травмы и позволяет предположить благоприятный исход таких отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2002. С. 288.
2. Грин А. Моральный нарциссизм // Психоаналитические концепции нарциссизма / Под ред. А. В. Литвинова, А. Н. Харитоновой. М.: Издательский проект «Русское психоаналитическое общество», 2009. С. 538.
3. Ракамье П. Страдать и выживать в парадоксах // Французская психоаналитическая школа / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина. СПб.: Питер. 2005. С. 544–556.
4. Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.
5. Розенфельд Г. Деструктивный нарциссизм и инстинкт смерти // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 4.
6. Русскийон Р. Меланхолическое ядро при нарциссических расстройствах // Материалы семинаров Р. Русскийона «Элементы психоаналитической техники». Москва, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах. Сентябрь 2023 г. [Стенограмма]
7. Столлер Р. Дж. Перверсия: эротическая форма ненависти. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2016.
8. Ференци Ш. Путаница языков взрослых и ребенка. Язык нежности и страсти // Журнал практической психологии и психоанализа. 2008. № 3.
9. Фрейд З. Горе (печаль) и меланхолия. 1917 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychic.ru/articles/classic08.htm>.
10. Фрейд З. Влечения и их судьба // З. Фрейд. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. СПб., Алетейя. 1998.
11. Фрейд З. Ребенка быют // З. Фрейд. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. Навязчивость, паранойя и перверсия. М.: Фирма СТД, 2006а.
12. Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // З. Фрейд. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М.: Фирма СТД, 2006б. С. 2003–2008.
13. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. СПб.: Азбука, 2022. 224 с.
14. Шассге-Смиржель Ж. Садомазохизм в перверсии: некоторые размышления о разрушении реальности // Журнал практической психологии и психоанализа. 2004. № 4.
15. Berliner B. (1958). The role of object relations in moral masochism. The Psychoanalytic Quarterly. Vol. 27. No. 1. С. 38–56.
16. Cooper A. M. (2013). The narcissistic-masochistic character. In Masochism: Current Psychoanalytic Perspectives. Routledge. P. 117–138.
17. Freud S. (1928). Fetishism. The International Journal of Psycho-Analysis. Vol. 9. P. 161.
18. Khan M. M. R. (1981). From masochism to psychic pain. Contemporary Psychoanalysis. Vol. 18. No. 3. P. 413–422.
19. McDougall J. (1972). Primal scene and sexual perversion. The International Journal of Psycho-Analysis. Vol. 53. P. 371.

20. Meyers H. (2013). A Consideration of Treatment Techniques in Relation to the Functions of Masochism. Masochism: Current Psychoanalytic Perspectives. (Ed. by R. A. Glick, D. I. Meyers). Routledge. P. 185–198.
21. Racamier P.-C. (2014). On narcissistic perversion. The International Journal of Psychoanalysis. Vol. 95. No. 1. P. 119–132.

Dependent Relationship: Perversion, Melancholia, Work of Mourning in the Dependent Relationship

A. D. Ovchinnikova

Ovchinnikova Alena D., psychoanalytically oriented psychotherapist.

In this article, the author considers the phenomenon of dependent relationships from the point of view of perversion: a survey of psychoanalytic ideas allows us to distinguish key functions of perversion, including the strife against castration anxiety, early frustrations and injuries. For the purposes of the subject of research, perversion is seen as a substitution, a "neosexual scenario" in McDougall terminology, allowing the subject to deal with injuries and frustrations. As the foundation of relations, masochism is investigated, manifesting itself in its moral aspect with reference to the problem of the Oedipus, but also manifesting itself as a way to connect drives. The role of relationships with the primary object in choosing a partner and building relationships of the type under consideration is investigated based on the concept of narcissistic perversion by P.-C. Racamier. The question of the possible functions of the relationship, among which narcissistic integrity, the strife against castration anxiety, as well as the implementation of the drive to the integration of early experience is analyzed in connection with the possibility of ending the relationship and the subsequent work of mourning.

Keywords: dependent relationships, perversion, masochism, moral masochism, narcissism, work of mourning, melancholy, symbiotic relationship, life masochism, death masochism.